

Через посредство города он выполняет свои повинности и пользуется императорскими «благодеяниями». Вместе с тем с ростом числа проживающих в городе неграждан возрастает и роль их организаций — земляческих, культовых, профессиональных (особенно торговых), непосредственно с городом не связанных, живущих своими интересами. Со временем такой же характер приобретают ремесленные коллегии, используемые государством для своих нужд.

Весьма знаменательными были изменения в отношении фамилий. Для города рабы по-прежнему оставались вне его гражданских институтов, городские магистраты вмешиваться в отношения господ и рабов не могли. Но через голову муниципальной организации стала намечаться и укрепляться связь рабов с императорским правительством, начинавшим видеть в них не только подданных *pater familias*, но и подданных государства. Чем дальше, тем больше вмешивается оно в прежде абсолютно замкнутый и автономный мирок фамилии. С одной стороны, императоры, начиная с Августа, в значительно большей мере, чем республиканское правительство, берут на себя функции подавления рабов, ярчайшим примером чему был знаменитый Силанианский сенатусконсульт, действие которого постепенно все более расширялось (Dig., XXIX, 5). С другой стороны, императоры, также начиная с Августа, но особенно во II и III вв., ограничивают произвол господ, частично признают правоспособность рабов, особенно тех, кто фактически уже стал собственником средств производства и имел то или иное право на получение свободы. Проводившиеся в обоих направлениях меры осуществлялись непосредственно представителями центрального правительства — префектом Рима, президами провинций и их аппаратом. Муниципальная организация оставалась в стороне. Все эти изменения в характере общественных связей еще более способствовали упадку ее значения и разложению гражданского коллектива.

В том же направлении действовал и фактор, обусловленный процессами, шедшими не столько внутри городов, сколько в сосуществовавших с ними укладах, но отразившийся также и на городах, а именно — усиление элемента сословности в социальной структуре империи в целом, что было непосредственно связано с разложением старых сословий и классов. Деление граждан на сословия не было органически присуще античному городу. В Риме оно сохранялось, но в период наибольшего развития товарно-денежных отношений, когда сословная принадлежность определялась не только и не столько происхождением, сколько цензом, сословные рамки стали довольно зыбкими. Твердо и неуклонно сохранялось деление, с одной стороны, на граждан и неграждан (но по мере распространения римского гражданства оно сошло на нет) и деление людей на свободнорожденных, либертинов и рабов, причем превращение свободнорожденного гражданина в раба признавалось абсолютно невозможным, за исключением редких случаев соответствующих судебных приговоров. Уже издавна начавшееся расслоение класса рабов приводило к несовпадению классовой и сословной принадлежности известной их части, но оно сглаживалось вольноотпущенничеством, переводившем рабов в сословие либертинов, дети которых уже считались свободнорожденными. Однако к середине II в. н. э. уже столь далеко зашло расслоение свободного гражданства, что правительство легализовало самопродажу в рабство совершеннолетних граждан, санкционируя, таким образом, прежде невозможное сословное изменение их статуса¹⁸. Это был фактический разрыв с одним из основных принципов античной социальной структуры, важнейший шаг на пути к окончательной диссоциации античного, в том числе и городского, гражданства. Конституирование сословий *honestiores* и *humiliores*, в ко-

¹⁸ Dig., I, 5, 5, 1; 24; IV, 7, 9, 4; XL, 3, 3; 4, 2; 12, 7; Cod. Just., V, 9, 10; VII, 16, 5; 17; 28.